Он Бурру показал, злодейство совершив,
Что с цезарем таким не будет Рим счаслив...[39]

и его же репликой, заключающей трагедию:

О боги! Если б впредь он чужд был преступленья!

Сама по себе любовная страсть Нерона к Юнии не несет в себе ничего порочного и преступного. Это естественная, общечеловеческая страсть. Преступны только действия, на которые после жестокой борьбы с собой решается Нерон, движимый этой страстью. Совершив человеческое преступление, Нерон превращается в преступного царя, обреченного на страшную судьбу и гибель. Преступления и судьба Нерона раскрываются Расином не столько под углом зрения бедствий, ожидающих подданных этого «чудовища», сколько в плане возмездия, падающего на самого Нерона за свершенную им трагическую, человеческую «ошибку». В этом и заключается моральная философия трагедии, недвусмысленно сформулированная Нероном в момент его колебаний:

Мне месть моя была б тягчайшим приговором.

Эти слова произносит император. Но ими формулируется общечеловеческий, с точки зрения Расина, нравственный закон, действие которого и продемонстрировано в трагедии на «ужасной» судьбе императора Нерона.

VII

Признание того, что нормы естественной морали лежат в основе этической проблематики французской классицистической трагедии XVII века, вносит существенный корректив в общепринятое мнение о дворянско-сословной ограниченности искусства классицизма. Естественный человек, который, как мы стремились показать, стоит за художественными принципами и драматургическими образами искусства классицизма, это именно та категория сознания, в которой мыслила себя французская (и не только французская) буржуазия XVII века, под протекторатом абсолютизма утверждавшая свои права на активное участие в политической государственной жизни, но еще не созревшая до политического самосознания, не осознавшая себя как класс. Абсолютная монархия Людовика XIV оставалась, конечно, сословным государством, но не следует забывать, что она была продуктом переходной эпохи, «когда старые феодаль-

[39] Там же, стр. 251.